

От «Красной шапочки» до «Обыкновенного чуда»

люди
из нашего
города

Борис Сулимов

НЕДАВНО в нашем городе появилась улица имени Евгения Шварца. Сказки знаменитого писателя, родившегося в Казани в октябре 1896 года, знамениты настолько, что реплики его героев разлетелись в народе на цитаты. А благодаря фильмам их знают даже те, кто не читал ни шварцевских «Тени», «Голого короля» и «Дракона», ни «Обыкновенного чуда».

Детей надо баловать – тогда из них вырастают настоящие разбойники (Е. Шварц, «Снежная королева»).

Родители его, Лев Шварц и Мария Шелкова, были студентами Казанского университета. Отец учился на врача, мать занималась на акушерских курсах. Семья была православной и русской по культуре: незадолго до женитьбы, в мае 1895 года, Лев Шварц крестился в Михаило-Архангельской церкви Казани. Евгений был их первым сыном.

Наш город Евгений Львович покинул вместе с родителями в весьма юном возрасте и мало что помнил. Тем не менее Казань ему снилась. Однажды, будучи уже взрослым, он спросил в письме у отца, что это за увиденное им во сне место (дальше следовало короткое описание). И отец узнал привокзальную площадь в Казани... В целом же, как заметил один из биографов, Казань была для Шварца «тем, что рассказывали о городе родители, то есть сказкой с мечетями и церквами, базарами и широким трактом».

О выдающемся
писателе
Евгении Шварце

Дома юного Женю, конечно, любили, но вряд ли баловали. Тем более что подростком он и поводов для этого не подавал. «Я был несдержан, нетерпелив, обидчив, легко плакал, лез в драку, был говорлив», – написал позже сам Шварц о себе тогдашнем. А ещё он был с детства уверен, что станет литератором. Мать однажды спросила пятилетнего Женю, кем он будет, когда вырастет. «Я от застенчивости лёг на ковёр, повалялся у маминых ног и ответил полужёпотом: «Романистом». В смятении своём я забыл, что существует более простое слово – «писатель».

Читать он научился в три года. Но плохой почерк, проблемы с музыкальным слухом и сложный характер никак не подкрепляли его мечту; родители были в сыне разочарованы и считали, что из него ничего не выйдет. В пылу споров с Женей Мария Фёдоровна, будучи женщиной суровой, даже заявляла: «Такие люди, как ты, вырастают неудачниками».

Юность его пришлась на сложное время – начало XX века. Евгений два года проучился на юридическом факультете московского народного университета, но юношу куда больше интересовал театр. Двадцати лет его призвали в царскую армию, а дальше он воевал – и против большевиков, и за них, был контужен; тремор рук мучил его до конца жизни. Его отец имел у властей репутацию человека неблагонадёжного и многожды, будучи наказан, кочевал, служа в разных городах и больницах. С юга России, где, постоянно переезжая (Екатеринодар, Майкоп, Дмитров, Рязань), жила семья, Евгений Львович с трудом добрался до Петрограда, где, скажем забегая вперёд, и началась его писательская карьера.

В первые годы 20-х он работал секретарём у Корнея Чуковского (который, кстати говоря, не находил тогда в Шварце никаких дарований). А затем стал писать, сотрудничать с детскими журналами и обратился в итоге к сказкам для театра как к основному своему жанру. Правда, времени это самоопределе-

ние заняло много. Как заметил его друг Николай Чуковский, «Евгений Львович был писатель очень поздно „себя нашедший“. Первые десять лет его жизни в литературе заполнены проблемами, попытками, мечтами, домашними стишками, редакционной работой. О том, что путь этот лежит через театр, он долго не догадывался. Он шёл ощупью, он искал, почти не пытаясь печататься. Искал он упорно и нервно, скрывая от всех свои поиски. У него была отличная защита своей внутренней жизни от посторонних взглядов – юмор».

Заметим, что Евгений Шварц – далеко не единственный «неудавшийся юрист», обратившийся от сугубо прозаической профессии к труду сказочника. До него этой тропой прошли, например, Шарль Перро, братья Гримм и Гофман.

Слушайте, люди ужасны, когда воюешь с ними. А если жить с ними в мире, то может показаться, что они ничего себе (Е. Шварц, «Тень»).

Евгений Шварц был – как и его родители, оба не без успеха игравшие в любительском театре, – очень артистичен. Что проявилось, когда на очередном витке своей молодой биографии он оказался в составе «Театральной мастерской» в Ростове. Роли играл «характерные», и у него находили незаурядные пластические и голосовые данные. А ещё, давая выход молодой энергии, он любил развлекать товарищей комическими представлениями, – например, изображал в лицах «собачий суд»: тьякал, скулил, выл и лаял, показывая разных участников процесса, от судьи и прокурора до адвоката и свидетелей.

Осенью 1921-го он уже в Петрограде. Жизнь давалась непросто, ростовский театр в Питере прогорел, и молодая семья (к этому времени Евгений Львович был женат на актрисе Гаянэ Халаджиевой) перебивалась небольшими заработкам то на театральной, то на концертной сцене. А вдобавок Шварц грузил уголь в порту и служил

С любимым
котом
Васькой

продавцом в книжном магазине на Литейном. Зато скоро Шварца знал весь литературный Петроград. Он остроумно и точно высказывался на обсуждениях новых стихов и прозы, умудряясь при этом никого из авторов не обидеть, был постоянным ведущим диспутов и тамадой в застольях. Над его шутками смеялись известные остроумцы из числа питерских литераторов, включая Зощенко и Хармса. Ольга Форш в своей повести «Сумасшедший корабль» (1931) даже вывела Шварца под именем Геня Чорн, охарактеризовав героя как импровизатора-конферансье с даром легендарного Крысолова-дудочника.

Не будет преувеличением сказать, что к этому возрасту Шварц всюду был «душой компании», оставаясь при этом таким доброжелательным и дружелюбным, что почти не имел врагов. Он дружил с «серапионовыми братьями» и с обэриутами, особенно с Зощенко, Слонимским, Олейниковым, Заболоцким.

Всю свою жизнь он помогал другим. В 1920-х подбирал беспризорников и с помощью Маршака устраивал в детские дома. Никогда не отказывался от

друзей, что в 30-х было непросто. Поддерживал семью репрессированного Николая Заболоцкого, попавшего в опалу Михаила Зощенко, литературоведа Бориса Эйхенбаума и много ещё кого. Все, кто его хотя бы немного знал, говорят о нём как об очень добром человеке. Не зря его обожали дети (как пишет один из биографов, они «висли на нём гроздьями, где бы он ни появился, задолго до того, как Шварц начал писать сказки») и любили животные. После войны у Евгения Львовича в доме жил кот, который умел даже спускать за собой воду в туалете. Известный дрессировщик, побывавший тогда у Шварца, был изумлён: он твёрдо знал, что кошки на такое не способны!

Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь (Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»).

Совсем не случайно некоторые современники говорили о нём как о «не очень-то советском» писателе. При

всей его общительности и включённости в текущий момент главные духовные поиски автора «Тени» происходили на ином, более глубоком уровне, где реальность – лишь повод для разговора о вечном. Впрочем, сказка как жанр именно такова, не зря Честертон говорил, что самая глубокая правда о нашем мире содержится как раз в сказках. «Ты вечности заложник у времени в плену» – писал о судьбе художника в мире в известном стихотворении друг Шварца Заболоцкий. Видимо, заложником и должником вечности Шварц себя и чувствовал – может быть, даже не формулируя этого (он вообще с трепетом относился к высоким, с его точки зрения, определениям, – например, к понятию «писатель»). Вовлечённость и отстранённость для понимания Шварца кажутся важнейшими понятиями: он видел и умел показать за эпизодом, сюжетом, героем их вечную, а не сиюминутную суть. «По жизни» это было «скорее в минус, чем в плюс» автору: его то и дело в чём-то подозревали околотеатральные чиновники и их подголоски – то в сатире на власть, то в открытые формы от содержания, то в недостаточности героических персонажах. Но с другой стороны, именно по этой причине даже убранные обратно в стол его пьесы продолжали жить – и выплывали в новый исторический момент на сцену, уже наполненные иным (а на самом деле изначально заложенным автором) смыслом.

**Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели.
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.
Иду, бреду, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить божье повеленье,
Чтоб не завывать по-волчьи вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.
Я человек. А даже соловей,
Зажмурившись, поёт в глуши своей.**

(Е. Шварц)

Когда Шварц пошёл работать в руководимую Маршаком детскую ре-

дакцию Госиздата, он открыл для неё множество талантливых авторов. При редакции выпускались два журнала – «Чиж» и «Ёж». «Чиж» – для маленьких, «Ёж» – для ребят постарше. Вели эти популярные весёлые издания Евгений Шварц и Николай Олейников. Шварц начал писать для юных читателей рассказы и стихи. У него вышло сразу несколько детских книжек.

Дебютная его пьеса для детей «Ундервуд» была поставлена в 1929 году в ТЮЗе. Принята околотеатральной «общественностью» она была довольно настороженно, хотя героиней там была находчивая пионерка Маруся. Дело в том, что в пьесе действовала ещё и нечистая сила, а всякое волшебство, как правило, тогдашней идеологией отвергалось. Но Шварц без сказочности не Шварц. В новой его пьесе (на сей раз взрослой, сатирической, созданной по просьбе режиссёра Николая Акимова) «Похождения Гогенштауфена» немедленно возникли добрая волшебница Кофейкина (в обыденной жизни уборщица) и злая колдунья Упырёва (в реальности чиновница-бюрократка).

Это был наиболее продуктивный период его жизни. Он второй раз женился и счастливо прожил со своей Екатериной Ивановной тридцать лет, до самой смерти. На вопрос «Что пишете?» Шварц вслед за любимым Чеховым отвечал: «Всё, кроме доносов». Фельетоны, сказки, рассказы, подписи под картинками для детских журналов, стихи, либретто, цирковые репризы; программы для Аркадия Райкина и Сергея Образцова в театре, сценарии для Александра Роу («Марья-искусница»), Григория Козинцева («Дон Кихот») и Илья Фрэза («Первоклассница») – в кино; а ещё он оставил множество портретов современников...

Первой пьесой в ключевом для него жанре была «Красная шапочка». Затем последовали другие театральные сказки, которые и принесли Евгению Шварцу славу выдающегося драматурга, обессмертив его имя. Хотя случилось это далеко не быстро. У лучших и

Кадр
из фильма
«Золушка»,
1947

наиболее глубоких из них судьба была непростой: «Голый король», «Тень» и «Дракон» после первых показов были запрещены и вновь поставлены только в иное историческое время. И, наконец, завершает список самых прославленных его творений «Обыкновенное чудо», премьеру которого он увидел за два года до ухода из жизни.

Критику своих пьес Шварц воспринимал болезненно, а таковой было немало. Сегодня суждения тогдашних критиков часто выглядят нелепыми: автора осуждали не только за то, что было в его пьесе, но и за то, чего в ней не было и не могло быть. Так, в 1954 году на съезде Союза писателей артист Михаил Жаров начисто разнёс «Обыкновенное чудо», не найдя в нём ничего о «выдающейся роли советского народа в строительстве счастья на земле».

Об «Обыкновенном чуде» следует сказать отдельно. Она действительно особенная для творчества нашего земляка пьеса – тёплая как никакая другая, полная любви и волшебства; он посвятил её своей жене и изобразил её в образе принцессы.

«Чудо» было адресовано взрослой аудитории, но немедленно заинтересовало детей. Вот что сказал об этом

постановщик многих произведений Шварца Н. Акимов: «Когда он написал для взрослых «Обыкновенное чудо», выяснилось, что эту пьесу, имеющую большой успех на вечерних спектаклях, надо ставить и утром, потому что дети непременно хотят на неё попасть... Я думаю, что секрет успеха сказок Шварца заключён в том, что, рассказывая о волшебниках, принцессах, говорящих котях, о юноше, превращённом в медведя, он выражает наши мысли о справедливости, наше представление о счастье, наши взгляды на добро и зло».

Глубокое искусство зачастую имеет не столько прямое, непосредственное, сколько растянутое во времени, отсроченное воздействие на читателей и зрителей, на формирование души. Его смыслы, его эмоциональные послылы вызревают в человеке долго. Но несомненно, что уроки Евгения Шварца, будучи усвоенными, дают щедрые и добрые плоды.

Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу – большой, а сердце – справедливым (Е. Шварц, «Золушка»).